

План обучения Е Цзюньшу продвигался успешно: «Сто фамилий» были пройдены, а в арифметике они освоили сложение и вычитание в пределах пятидесяти. Первый этап подошел к логическому завершению.

Конечно, сейчас дети не просто бегали. Цзюньшу разбил их на пятерки и устроил соревнования: например, кто быстрее и больше напишет иероглифов по памяти за отведенное время. Победителям полагались награды. Цзюньшу огляделся: все были в восторге, азарт бил ключом. Ребята состязались и внутри групп, и командами — во дворе стало по-настоящему жарко.

В это время к нему заглянул староста Жун-бо. Они встали в углу двора, наблюдая за шумной ребятней, и обычное суровое лицо старосты немного смягчилось. Е Цзюньшу знал, что староста просто так не приходит. Видя, что тот не спешит начинать разговор, Цзюньшу решил сам коснуться темы, которая наверняка привела гостя.

— Жун-бо, как вы думаете, когда лучше прекратить занятия? Температура падает быстро, дети могут замерзнуть.

— Я как раз об этом и хотел поговорить, — не стал юлить Жун-бо. — Хотя в этом году холода наступили позже, чем в прошлом, снег уже не за горами. Думаю, через три дня пора заканчивать. Каждому дому нужно подготовиться к зиме, взрослым пора ехать на рынок, закупать всё необходимое — времени приходится и помогать тебе с детьми больше не будет.

Деревня Е находилась не так далеко от уезда, но дорога туда шла через горы. Как только выпадал снег, этот путь обледеневал, и выбраться из деревни становилось делом непростым и опасным. Поэтому до снегопадов люди старались съездить в город несколько раз, чтобы запастись товарами на зиму и Новый год, а заодно продать свои продукты и поделки.

Раз каждой семье нужно готовиться к «зимовке», им и правда будет не до помощи по хозяйству Е. Если бы не трудности с поездкой, Е Цзюньшу и сам бы не прочь заглянуть в город.

Цзюньшу прищурился от улыбки: — Спасибо всем дядьям и аму за их доброту в это время, и вам, Жун-бо, за заботу. То, что мы с братьями живем в достатке — полностью заслуга односельчан. Право, не знаю, как и отблагодарить вас за такую милость.

— Мы же соседи, у каждого бывают трудные времена. Не нужно лишних слов, мы помогли чем могли, но дальше тебе придется самому справляться. К тому же то, что ты учишь детей грамоте — уже лучшая благодарность, — ответил Жун-бо. — Не бери в голову лишнего, жизнь перемелется.

Цзюньшу кивнул, хотя в душе чувствовал, что получает от людей куда больше, чем отдает сам, просто сейчас у него нет возможности отплатить тем же.

— Кроме закрытия школы на зиму, у меня есть еще одно дело, которое я хотел бы обсудить.

Е Цзюньшу с недоумением посмотрел на Жун-бо.

— Я хотел спросить, планируешь ли ты открывать школу в следующем году? Об этом меня просили узнать и односельчане. Они очень надеются, что ты продолжишь учить детей. Что скажешь?

Цзюньшу на мгновение замер. Вообще-то он и сам собирался продолжать занятия, но, кажется, ни разу не озвучивал это вслух, лишь держал в мыслях.

— Конечно, — с улыбкой ответил он. — В ближайшие пару лет мне всё равно особо нечем заняться, кроме как учить ребят. Пока не закончится срок траура по родителям, я никуда не смогу уехать. А там видно будет.

Сейчас главной задачей для него было поднять младших. Как он и думал, в ближайшие годы он «привязан» к дому. К тому времени, как траур закончится, Пятому и Шестому исполнится по три года, а Сяо Шаню будет уже одиннадцать — тогда можно будет со спокойным сердцем подумать о зарработке вдали от деревни.

Жун-бо удовлетворенно кивнул:

— Раз так, я передам твои слова людям, пусть успокоятся. — Помолчав, он добавил: — Чжоу-цзы, а как же твои собственные экзамены? Учителство отнимает уйму времени, боюсь, ты не сможешь совмещать.

Е Цзюньшу горько усмехнулся:

— Жун-бо, вы же видите нашу ситуацию. В доме нет денег на мою учебу, да и сил на это не остается — каждому из братьев нужно внимание.

Староста сокрушенно вздохнул. Очень жаль: Е Цзюньшу был единственным в деревне «добрым ростком», у которого были все шансы стать ученым-сюцаем, а теперь такой талант пропадает.

Сам же Цзюньшу не чувствовал сожаления.

— Когда я начну зарабатывать, я смогу дать образование Сяо Шаню и остальным. Если у Сяо Шаня не пойдет — есть Пятый. Я обязательно выучу хотя бы одного из них, чтобы души отца и аму были спокойны. — Он посмотрел на свои руки: от постоянной работы на них уже начали грубеть мозоли.

Он всё еще был слишком юн и слаб, чтобы свернуть горы.

Жун-бо верил, что у парня всё получится, но понимал: до этого дня еще много лет. Он лишь покачал головой и, заложив руки за спину, стал молча наблюдать за играющими детьми. Спустя время староста ушел.

Проводив гостя, Е Цзюньшу не стал мешать ребятам. Прислонившись к стене, он с улыбкой смотрел, как они с покрасневшими лицами носятся по двору. Сяо Шань и Цинь-гэр были в самой гуще, их звонкий смех согревал сердце.

— Сяо Чжоу-цзы... Сяо Чжоу-цзы...

Ему показалось, что кто-то зовет его. Голос был странным, едва слышным, и доносился откуда-то сверху. Цзюньшу замер, прислушался, поднял голову — тишина, если не считать детских криков. На стене тоже никого не было.

«Почудилось», — решил он.

Но стоило ему сделать пару шагов к дому, как что-то прилетело ему прямо в затылок. Удар был несильным, но ощутимым. Цзюньшу потер затылок и обернулся.

— Кто здесь?

За трехметровой оградой, на ветке дерева, висел парень лет четырнадцати-пятнадцати. Одной

рукой он мертвой хваткой вцепился в ствол, высунувшись наполовину, и отчаянно махал другой.

Увидев, что Цзюньшу его заметил, парень засиял и замахал еще активнее:

— Сяо Чжоу-цзы! Это я!

Е Цзюньшу нахмурился, пытаясь вспомнить этого долговязого незнакомца... Черты лица казались знакомыми, и вдруг в памяти всплыл образ старого товарища:

— Брат-Хао? (Мышонок»)

Убедившись, что не ошибся, Цзюньшу радостно подбежал к стене, но, поняв, что за забором его не видно, отступил назад и крикнул:

— Брат-Хао, ты вернулся! Почему в дом не заходишь?

— Тсс! — парень начал строить рожи и лихорадочно жестикулировать. — Выходи давай, быстрее!

Цзюньшу не сразу сообразил, в чем дело, но быстро выскочил за ворота. Парень как раз ловко спрыгнул с дерева и твердо приземлился на ноги.

— Брат-Хао, когда ты приехал? — возбужденно спросил Цзюньшу.

Брат-Хао... Настоящее имя — Е Цзюньхао. Он был старшим сыном второго дяди Е и на два года старше Цзюньшу. С тех пор как они начали ходить, Цзюньшу вечно хвостиком бегал за Цзюньхао, а тот с удовольствием брал его во все свои игры. Можно сказать, Брат-Хао был его лучшим другом, почти братом.

После того как Цзюньшу в шесть лет начал учиться, виделись они реже, но дружба не остыла. Семья Е Цзюньхао жила небогато: второй дядя несколько лет назад на подработках сломал ногу, и из-за того, что вовремя не обратился к врачу, теперь сильно хромал. Всё хозяйство держалось на небольшом наделе земли и рукоделии его амо.

Поэтому Е Цзюньхао рано поклялся, что разбогатеет! Как отец Цзюньшу, он хотел податься в торговцы, объездить мир, заработать денег, вылечить отцу ногу, собрать приданое младшим братьям и построить такой же большой и красивый дом, как у Е Цзюньшу. Семья была категорически против: для простых людей жизнь дороже денег, а торговля — дело опасное. Но Брат-Хао был упрям как восемь быков. Два года назад он тайком разыскал бывших партнеров отца Цзюньшу и, воспользовавшись его именем, напросился в караван. Когда родные спохватились, было уже поздно.

Отец Цзюньшу тогда оказался в неловком положении — он ни сном ни духом не знал о затее племянника, но раз тот прикрылся его честью, оправдываться было трудно. Из-за этого отношения между семьями охладели. Однако в доме Цзюньшу на Брата-Хао зла не держали, только переживали: ведь парень рос у них на глазах.

Когда Е Цзюньхао уходил, он был щуплым и маленьким тринадцатилетним подростком. Спустя два года он изменился до неузнаваемости. Не зря говорят: «мужчина к восемнадцати годам меняется семьдесят два раза». Рост подскочил, плечи раздались, голос стал грубым из-за возрастной ломки — остались только знакомые очертания лица да тот же неумный характер.

— Сяо Чжоу-цзы! Ничего не говори, дай-ка я тебя обниму! — Хао-цзы (Брат-Хао) с широкой улыбкой расставил руки и, пользуясь тем, что стал на голову выше и в два раза шире, подхватил друга под мышки и закружил, как маленького.

Цзюньшу, вознесшийся в небеса, на мгновение впал в ступор. На его лице крупными буквами застыло выражение: «Жизнь — боль».

Радость от встречи с другом детства мгновенно сменилась каменным безразличием.

— Ха-ха-ха! — парень, увидев его физиономию, расхохотался во всё горло.

— Хао-цзы-гэ! — вскипел Цзюньшу, метая глазами молнии.

— Пфф... Всё, не смеюсь, ха-ха... Сяо Чжоу-цзы, ты всё такой же милашка! — Хао-цзы по-свойски положил ладонь на макушку друга и принялся нещадно взлохмачивать его волосы.

Цзюньшу: «...» Милашка? Это он про кого? Он не знает такого слова.

Е Цзюньхао по-хозяйски обхватил Цзюньшу за шею и потащил прочь от дома:

— Пойдем-пойдем, нам надо столько всего обсудить! Сто лет не виделись, я еле вырвался из дома тайком...

Цзюньшу закатил глаза к небу. Глядя на дерево, стоящее в паре метров от его забора, он серьезно задумался: «А не срубить ли его от греха подальше? Вдруг какой-нибудь воришка тоже решит по нему перемахнуть через стену?»

От автора: Ну что ж, Е Цзюньхао в будущем станет для нашего героя надежной финансовой опорой. Что касается нашего "принимающего" героя — он должен стать крепостью, которую не пробьет даже лазер. А характер? Ну, скажем так...

<http://bllate.org/book/15226/1347347>